

VI

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА С МОСКОВОЮ НОВГОРОДА И ТВЕРИ

Наряду с подъемом объединительных идей в Москве, росло и идеологическое сопротивление ей отдельных русских областей. Чем круче была политика Москвы, тем ожесточеннее было это сопротивление. Но знаменательно, что, противопоставляя Москве свои политические теории, области вынуждены были считаться с достижениями исторической мысли Москвы и безоговорочно принимали некоторые из ее идей. Чем ярче разгоралась борьба Москвы с Новгородом и Тверью, тем яснее становилась победа идеи общерусского единства.

Под конец борьба шла уже не между центробежными и центростремительными силами в русской жизни: боролись областные центры с Москвой за возглавление того общерусского единства, которое уже всеми считалось одинаково необходимым. В идейной борьбе Новгорода и Твери с Москвой рождались новые исторические произведения, необычайно рос интерес к родной истории. Так, в самом сопротивлении Москве рождались предпосылки для объединения с нею.

1

Объединительная политика Москвы встретила чрезвычайно сильное сопротивление новгородского боярства, опасавшегося потерять свои обширные земельные владения, и крупного новгородского купечества, боявшегося конкуренции Москвы в торговле с Западом. Новгородское государство становилось всё более и более реакционной силой в русской жизни, сопротивлявшейся объединительной политике московских великих князей. Новгородское ушкуйничество нарушало московскую торговлю севера и северо-востока; неспокойная новгородская политика грозила постоянными неожиданностями. Однако в самом Новгороде, как и в других русских областях, увеличивалось «в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным, бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводив-

шие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья».¹

Демократические низы Новгорода явно тяготели к Москве, к сильной великокняжеской власти, в которой надеялись найти опору против боярства. В разное время сторонники подчинения Москве находили себе в Новгороде путь к власти, но в полной мере ни партия новгородских сепаратистов (так называемая литовская), ни партия сторонников Москвы не смогли возобладать на зыбкой почве новгородского «народоправства».

Конец XIV в. характеризуется крайним обострением борьбы Москвы с Новгородом. Эта борьба стала особенно напряженной в 90-х годах XIV в., в связи с отказом новгородцев выезжать на суд к московскому митрополиту. По старому, испытанному еще в XII в. пути, новгородское боярство посыпало послов с жалобой в Константинополь, угрожало Москве переходом в латинство, клялось на вече не судиться у митрополита. Только после того, как войска великого князя захватили Торжок и начали опустошать новгородские волости, новгородцы изъявили покорность.

Новый перевес дало новгородской литовской партии замешательство в церковных делах первой половины XV в., приведшее к образованию двух враждебных митрополий: московской и киевской. Оно позволило новгородскому боярству вести двойную политику и постоянно добиваться от Москвы уступок угрозами подчиниться киевскому митрополиту. С этой поры церковный вопрос в Новгороде приобрел первостепенное политическое значение. Пользуясь смутою в церковных делах, Евфимий II Новгородский получил «поставление» в Смоленске у киевского митрополита Герасима, и это дало Новгороду независимость от московской церкви. В Новгороде приобрели значительную силу антимосковские настроения. Архиепископ Евфимий II активно способствовал западному влиянию и оказывал покровительство иностранцам. «От странных же или чуждых стран приходящих всех любовию принимаше, всех упокоиваше, всех по достоинству миловаше», — говорит о нем Пахомий Серб. Показателем новгородской политики служит то, что в Новгороде находили убежище противники московского великого князя — Дмитрий Шемяка и Василий Гребенка.

Новгородское боярство обращалось к прошлому Великого Новгорода, чтобы в нем найти опору в борьбе против Москвы. Так же, как и в Москве, это обращение к прошлому сказалось в усиленном развитии летописания, в целом ряде реставрацион-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 443.

ных работ, в попытках оживить историческое предание, связанное с героическими страницами в жизни родного города. Во второй четверти XV в. началась беспокойная строительная деятельность архиепископа Евфимия II. Он обстроил новыми зданиями владычный двор Детинца, строил на Софийской и Торговой сторонах, строил в Старой Руссе, в Вяжищах, в Хутыне и т. д. Ко времени Евфимия II относятся здания светского и промышленного назначения, церкви и правительственные палаты.

Особое место в строительной деятельности Евфимия II занимало возрождение новгородских архитектурных форм XII в.—века наибольшего расцвета новгородской торговли и внешнего могущества. В 1454 г. Евфимий II реставрировал церковь Ивана на Опоках (братчины Иванчины), первоначальной постройки 1127—1130 гг. В 1455 г. он строил «на старой основе» церковь Ильи на Славне, первоначальное здание которой относилось к 1198—1202 гг. В 1442 г. Евфимий II «на старой основе» 1198 г.ставил Преображенский собор в Старой Руссе. На старой же основе XII в. восстанавливались церкви Бориса и Глеба (1445), Жен-мироносиц (1445), Бородицы на Торгу (1458) и др.¹ Евфимий II возродил строительные приемы монументальной архитектуры XII в., напоминаяшие своими выразительными и внушительными формами о былом величии Новгорода. Разнообразной строительной деятельностью Евфимия II восхищался Пахомий Серб, в восторженных выражениях описавший выстроенные Евфимием храмы Детинца, которые «яко звезды или горы» стоят вокруг Софии.

Массовое восстановление Евфимием II старых церквей XII в. связано с одновременным установлением культа «преждеотшедших» новгородских архиепископов, с возрождением летописного дела, с созданием цикла литературных произведений об архиепископе Иоанне, при котором новгородцы в 1170 г. отбили от стен Новгорода войска северо-восточных княжеств, что в XV в. служило как бы символом неприступности Новгорода для посяганий Москвы. Около 1432 г. был составлен в Новгороде обширный летописный свод «Софийского временника», который должен был дать новую историческую концепцию, поставив в центр русской истории историю Великого Новгорода. Однако, вскоре после составления свода 1432 г. «Софийского временника», в Новгороде стал ясен и его основной недостаток, не позволявший ему конкурировать с обширными московскими летописными сводами начала XV в. В то время как московское летописание было в подлинном смысле этого слова общерусским, объединяло в своем составе известия самых разнообразных областей и освещало историю всего русского народа в целом,

¹ Ю. Н. Дмитриев. К истории новгородской архитектуры. Новгородский исторический сборник, вып. 2, Л., 1937.

новгородский «Софийский временник» по составу своих известий оставался все же летописью узко новгородской. Поэтому при том же Евфимии II в 1448 г. было предпринято составление нового летописного свода.

Свод 1448 г. был первым новгородским сводом с ярко выраженным общерусским характером. Это далеко уже не узкая местная летопись, редко выходящая за пределы родного города, какой была новгородская летопись в предшествующие столетия. Свод 1448 г. описывает судьбу русского народа в целом, хотя преимущества попрежнему отдает Новгороду и в нем видит очевидно, центр событий русской истории. Знаменательно, что в основном этот общерусский характер свод 1448 г. приобретает в результате заимствования общерусских известий из московского летописного свода Фотия 1418 или 1423 г. Стремясь создать историческую и политическую концепцию, противостоящую московской, Новгород все же опирался на Москву, на ее книжность, считался с достижениями ее исторической мысли и принимал общерусский характер ее трактовки предшествующего летописания. Так, идеи Москвы находят себе признание даже у ее врагов. Однако, в противоположность московским летописцам конца XIV — начала XV вв., нередко оценившим события с точки зрения демократических городских слоев населения, составитель свода 1448 г. во многих случаях проявил себя как представитель интересов боярской партии — владычного двора. Он с осуждением отнесся к черному люду — к «голодникам», «ябедникам»¹ и к городским волнениям.

Свод 1448 г. имел обширный успех в русском летописании. В Новгороде на его основе создается еще ряд сводов. Историческая мысль работала с чрезвычайной интенсивностью.

Летописные своды с настойчивой последовательностью создавались один за другим, но самостоятельной и законченной новгородской исторической концепции, подобно московской, всё же не получилось. Содержание новгородских летописей, стремившихся соединить достижения исторической мысли Москвы с антимосковскими тенденциями правящей верхушки Новгорода, осталось таким же противоречивым, как противоречива была и сама новгородская жизнь.

2

Попытки новгородского боярства опереться на прошлое Большого Новгорода, возродить старые, еще домонгольские традиции нашли себе место не только в новгородском летописании.

В 1436 г. в церкви Усекновения главы в Новгородском Детинце упавший сверху камень пробил «велию скважину», в

¹ Новгородская IV летопись. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 444.

которой обнаружилось «нетленное» тело неизвестного святого. Известили Евфимия. «Убедившись» в нетленности мощей, Евфимий начал молить Бога: «да явит имя, кто есть». В ту же ночь «явился» Евфимию архиепископ Иоанн, открыл, что мощи принадлежат ему, и велел «праздновать себя» каждое 4 октября. Иоанн (1163—1186) — первый официальный новгородский архиепископ. Он был известен в Новгороде, главным образом, как лицо, при котором в 1170 г. произошло «чудесное» спасение города от подступивших к нему войск северо-восточных княжеств, отожествлявшихся в Новгороде в XV в. с Москвой. Само собой разумеется, что открытые так кстати упавшим камнем мощи Иоанна были торжественно водворены в Софийском соборе, и почитание этого новоявленного святого приобрело формы почти политической демонстрации. Вокруг архиепископа Иоанна и «чуда» спасения Новгорода от войск суздальцев возник цикл легенд, своего рода культ новгородской независимости.

Основание культа новгородских святых и возвеличение новгородского прошлого подкреплены были несколько позднее и другой легендой. Под 1439 г. летопись сохранила сказание пономаря Аарона.¹ В одну из ночей пономарь Аарон увидел, как в церковь Софии «прежними дверьми» (очевидно теми, которыми перестали пользоваться) вошли все «преждеотшедшие» новгородские архиепископы, молились в алтаре и пред иконою Корсунской божьей матери. Пономарь рассказал о своем видении Евфимию, и тот «бысть радостен о таковом явлении», повелел служить панихиду по всем новгородским архиепископам, а затем установил и более регулярное чествование своих предшественников.

Выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое напоминало о себе. «Преждеотшедшие» архиепископы молились за Новгород, объявляли свои мощи и т. д. Новгородская боярская партия настойчиво искала в новгородском пропилом опоры для своих притязаний на независимость и отъединенность от Москвы.

Евфимий II пригласил с Афона знаменитого ритора Пахомия Серба и заказал ему литературное изложение легенды о чудесном спасении Новгорода при архиепископе Иоанне от войск суздальцев в 1170 г. Простую и непосредственную новгородскую легенду Пахомий «удобрил» витиеватым красноречием, придав ей пышность и назидательность, усилив элемент чудесности. Заканчивалось описание «чуда» спасения Новгорода от войск северо-восточных княжеств в изложении Пахомия молитвой, трафаретные заключительные строки которой должны

¹ Новгородская III летопись. Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 271.

были звучать особенно остро в политической обстановке второй половины XV в.: молитва завершалась прошением об избавлении «града нашего [Новгорода] от глада, губительства, труса [землетрясения], потопа и нашествия иноплеменников».¹ В этот первый свой приезд в Новгород Пахомий написал, кроме того, службу новгородскому святому Варлааму Хутынскому, похвальное слово ему же и житие Варлаама. Культ новгородских святых обставлялся, как видим, необходимой пышностью.

Таким образом, торжественное восстановление авторитета родной старины, начатое Москвою, было подхвачено ее политическим противником — Новгородом, новгородским боярством. Чем ожесточеннее была идеологическая борьба Москвы и Новгорода, тем яснее становилась победа общерусского сознания, тем ближе в конечном счете становилась и идейная победа Москвы, как наиболее последовательного носителя общенациональных традиций.

3

Но уже и в самом Новгороде идеи Москвы находили всё большее число сторонников. К концу 50-х годов XV в., в результате победы московского великого князя над новгородским ополчением и заключения невыгодного для новгородского боярства мира, перевес Москвы настолько определился, что представителям боярской партии в Новгороде приходилось думать только о политике отсрочки, по существу, неизбежного конца новгородской независимости. Ростло и сочувствие демократических слоев населения Новгорода Москве. Роль заступника и постоянного ходатая за Новгород перед московским великим князем принял на себя избранный после смерти Евфимия II архиепископ Иона, искусно лавировавший между крайностями литовской боярской партии и энергичным натиском Москвы.

Иона ознаменовал свое архиепископство целым рядом предприятий, клонившихся к закреплению мирных отношений с Москвой. В житии Ионы отмечено, что «московьстии князи много любяху его и со благоговением почитаху, и писания множицею посылаху к нему и от него въ списания желанно приемаху».² Иона установил в Новгороде культа московского святого Сергия Радонежского, выстроил ему церковь (1463), ездил в Москву, где слезно заступался за новгородцев перед великим князем.

При Ионе вторично прибыл в Новгород Пахомий Серб. Иона, как и Евфимий II, заказал Пахомию различные церковные

¹ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 100.

² Памятники старинной русской литературы, издававшиеся Кушелевым-Безбородко, вып. 4, 1862, стр. 30.

службы и при этом, наряду со службами новгородским святым, заботился и о службах святым, имевшим общерусское значение. Особенный интерес имеет заказанное Ионой Пахомию «Сказание о чуде преподобного Варлаама Хутынского» (1460). «Чудо» это, случившееся в первый же год архиепископства Ионы, было весьма симптоматично. Во время приезда в Новгород московского великого князя Василия Васильевича умер его постельничий Григорий Тумган. Привезенный ко гробу новгородского святого Варлаама, постельничий «воскрес». Так же, как и открытие мощей архиепископа Иоанна при Евфимии II, инсценировка воскрешения постельничего московского великого князя у гроба новгородского святого не была случайной: новое «чудо» знаменовало собой временный перелом в новгородской политике и стояло в связи с новгородской дипломатией, стремившейся расположить к Новгороду великого князя Василия Васильевича. Заказывая описание этого «чуда», Иона имел в виду внушить московскому князю уважение к новгородским святыням, примирить его с Новгородом. Предназначенное для такой цели «Сказание» написано в духе московских взглядов. Оно имеет Василия Васильевича «благочестивым и благоверным великим князем владимирским и московским и новгородским и всяя Руси», а Новгород — вотчиной великого князя. Впоследствии, когда отношения Новгорода с Москвой вновь обострились, послужный исполнитель воли своих заказчиков Пахомий Серб переделал свое произведение согласно с требованиями момента: пышное титулование московского великого князя было заменено более простым — «благочестивый великий князь», а место, в котором говорилось о Новгороде, как о вотчине великого князя, было опущено.

К эпохе усиления московских тенденций в Новгороде (в самой середине XV в.) относится житие яркого представителя московской демократической партии в Новгороде — Михаила Клопского. Москвич по происхождению, родственник московских великих князей, Михаил избрал местом своего монашеского пребывания небогатый новгородский Клопский монастырь, игумена которого Феодосия низы новгородского населения одновремя даже избрали в архиепископы. Житие, демократическое по своим тенденциям, обильно эпизодами враждебного отношения монастыря к посадникам, к укрывавшемуся в Новгороде неудачному конкуренту московского великого князя Дмитрию Шемяке, и вместе с тем, в отличие от велеречивых и витийственных произведений Пахомия, выполнившего заказы боярской партии, носит демократический, просторечный характер со следами влияния фольклора. О новгородском князе Михаиле Олельковиче, ставленнике Литвы, Михаил Клопский говорит: «то у вас не князь — грязь», советует покориться московскому великому князю, «предрекает» торжество Москвы.

Таким образом, еще до завоевания Новгорода Москвою в Новгороде зрели идеи общерусского единения под верховенством Москвы. Сама новгородская старина, вызванная к жизни сторонниками литовской боярской партии, восставала на новгородскую независимость. Разбуженный интерес к родной истории подсказывал идею общерусского единства.

4

В эпоху походов Ивана III ожесточение борющихся партий в Новгороде — литовской и московской — достигло крайней ступени. Новгородское летописание утратило свою организованность и систематичность. Летописи велись по инициативе представителей обеих враждующих партий, дополнявших и расширявших списки, начатые их предшественниками. В этих дополнениях нет единства между отдельными летописцами ни в политических взглядах, ни в круге отмечаемых ими событий, ни в стиле и манере изложения. Летописцы то ограничивались одними лишь новгородскими событиями, то вводили сведения общерусского значения; иногда эти известия кратки и сдержаны, но иногда же речисты и витийственны. Те части новгородской летописи, которые отличаются традиционным новгородским лаконизмом стиля, лишены, однако, чеканности летописного языка XII—XIII вв. Летописец терял присущее ему спокойствие тона, как только подходил к предметам, близко касавшимся его политических убеждений, и разражался в этих случаях многословными тирадами против своих политических врагов всюду, где находил это возможным. Летописец, дополнивший один из списков Новгородской IV летописи (Строевский), так отчитал сторонника московского великого князя Упадыша, забившего железом пять новгородских пушек при приближении к Новгороду московского войска: «како не вострепета, зло мысля на Великий Новъгород, не сытыи лукавъства? не мъзды ли ради предаеши врагом Новъгород, о Упадышче, сладкого брашна вкусиш в Великом Новеграде? О, колика блага не памятиш, недостаточное ума достигл еси!.. Уне бы ты, Упадыше, аще не был бы во утробе материши: не бы был наречен предатель Новуграду...»¹ и т. д.

Не на одного Упадыша сетует летописец. Он осуждает «владычнъ стяг» (полк новгородского архиепископа), который не хотел ударить на московскую княжескую рать, ссылаясь на то, что «владыка нам не велел на великого князя руки подынти». Осуждает летописец и тех новгородцев, которые перед битвой с москвичами «вопили» на «больших людей», не желая сражаться: «Из человек молодыи, испротеряхся конем и доспехом».²

¹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925 стр. 448.

² Там же, стр. 446.

«И быть в Новегороди молва велика, и мятежь мног, и многа лжа неприязнена, сторожа многа по граду и по каменным кострам [башням] на переменах день и нощь. И разделиша людие: ини хотяху за князя [московского], а ини за короля, за Литовского»,¹ так описывает летописец волнения, вызванные поражением новгородского войска на Шелони.

Иной характер носили дополнения Новгородской IV летописи по списку Дубровского. Помимо обилия в них московских и общерусских известий, список включил в свой состав такие направленные против новгородской независимости произведения, как «Словеса избранна от святых писаний»² на новгородцев, «Послание митрополичье»³ против них же, московский рассказ о присоединении Новгорода с резкими выпадами против новгородцев и характерным заключительным проклятием новгородским «смутьянам»: «И та земская их беда и вся людская кровь да будет изысканна от Бога вседержителя, по писанному: Господи! зачинающих рать погуби. И то все на тех главах на изменных и на их душах, в сем веце и в будущем, аминь».⁴

Военные действия против Новгорода, а затем и борьба в Новгороде с остатками боярско-литовской партии внесли ненадолго черты озлобления и полемичности в произведения обеих партий. Эта борьба по мелочам, по текущим вопросам была лишена той широкой историко-философской аргументации, которой обладала литература предшествующего периода.

5

Московские порядки были введены в Новгороде в 1478 г. после вторичного похода, которому Иван III придал характер защиты русских интересов от изменников — новгородских бояр. Этот поход Ивана III был обставлен с чрезвычайной пышностью. Ни один из московских походов ни в прошлом, ни впоследствии не сопровождался такой усиленной пропагандой, таким обилием всяческих посланий, как новгородские походы Ивана III. Идеологическое состязание Новгорода и Москвы достигло в 70-х — 80-х годах XV в. особенной напряженности. Везя в обозе своих войск летописи и книжника, умевшего «говорить по летописцам русским» (новгородца Стефана Бородатого),⁵ Иван III готовился к сложной идеологической борьбе с Новгородом. Наступая на Новгород, Иван III явно не спешил, принимал по дороге перебежчиков и затягивал переговоры, очевидно, выжидая, чтобы московские интересы сами взяли верх в Новгороде. К этому у

¹ Там же, стр. 447.

² Там же, стр. 498.

³ Там же, стр. 504.

⁴ Там же, стр. 513.

⁵ Софийская II летопись под 1471 г.

него были веские основания: так называемая литовская партия, составлявшая крайнее меньшинство, орудовала в Новгороде путем подкупов и террора, которые становились недейственными при одном приближении громадного войска великого князя. Чем ближе подступала к Новгороду великая рать московская, тем больше перебегало к ней новгородцев, обещавших служить великому князю верой и правдой.

Присоединение Новгорода к Москве не сопровождалось стремлением к разрушению его культурных ценностей. Уничтожая новгородскую независимость, москвичи не считали себя завоевателями, точно так же, как и представители московской партии в Новгороде не рассматривали себя как врагов родного города. Уничтожение новгородской независимости понималось не как завоевание, а как воссоединение исконных русских земель под державой «боговенчанного» монарха «всех Руси». Сознание значительности одного из старейших русских городов постоянно ощущается в отношениях Москвы к Новгороду. Москва широко использовала новгородские летописи, приглашала к себе новгородских иконников и каменщиков, подчеркивала славу и величие великого Новгорода, исконную зависимость его от московских великих князей, усматривая новгородскую измену лишь в «последних летах». Постепенно Москва обстраивала новыми стенами Новгородский Детинец (кремль), возвратила в Новгород Софийскую казну, увезенную было Иваном III, перепланировала город, расширяя улицы, упорядочила городскую жизнь, наконец всячески пользовалась книжными традициями и богатствами Новгорода.

В первой половине XVI в. в Новгороде наблюдалось возрождение организованной работы над летописью. В 1520 г. при архиепископе Макарии — будущем участнике «избранной рады» Грозного — здесь была составлена особая редакция Хронографа. В 1539 г. был создан новый свод новгородской летописи.¹ При Макарии же в Новгороде составлялось грандиозное собрание житий русских святых, так называемые макарьевские Четьи-Минеи в 12 обширных томах. Стремясь найти в новгородском прошлом опору для нового порядка, Москва поддерживала культа представителя московской демократической партии в Новгороде — Михаила Клопского. Политическое значение этого культа видно хотя бы из того, что впервые в истории древнерусской книжности составление нового жития этого святого было поручено светскому лицу — московскому чиновнику, сыну боярскому и «храброму воину» Василию Тучкову, который значительно усилил московский антипосаднический дух жития.

В течение всего XVI и XVII вв. в Новгороде осуществлялся

¹ См. подробнее: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л., 1938, стр. 371 и др.

целый ряд общерусских культурных предприятий. Москва поддерживала книжность Новгорода, и сам Новгород в целом придерживался общерусской позиции; однако кое-какие отголоски идей боярско-литовской партии в церковной трансформации (новгородская церковная организация менее всего пострадала при разгроме Новгорода), как, например, идея совершенной самостоятельности новгородской церкви (легенда о белом клобуке), идея превосходства «священства» над «царством» и т. д., еще долго сказывались и в новгородской книжности и в новгородской жизни на протяжении всего XVI и XVII вв.

6

Идейное движение в Твери XV в. во многом аналогично идеологической борьбе Новгорода с Москвой. Так же, как и в Новгороде, в Твери происходит возрождение местных исторических традиций. Так же, как и Новгород, Тверь стремится создать свое местное патриотическое движение, противостоящее Москве, пытается найти опору своим сепаратистским устремлениям в своем прошлом. В Твери, как и в Новгороде, усиленно восстанавливаются старые, еще домонгольские постройки и возрождаются исторические предания эпохи национальной независимости. Однако в отличие от Новгорода, ограничивавшего круг своих исторических интересов местными преданиями, Тверь вслед за Москвой возрождает общерусские исторические традиции Киева. Тверские книжники в течение всего XV в. неоднократно обращаются к литературным произведениям Киевской Руси, переделывая их, редактируя их, переписывая и заимствуя из них для собственных сочинений отдельные образы и целые отрывки. Тверская литература обращается к патриотическому воодушевлению «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, к широте исторической мысли «Повести временных лет», к сказаниям о князьях Борисе и Глебе, чей кульп на протяжении многих веков связывается с политическими идеалами общерусского единства, к произведениям Кирилла Туровского и Киево-Печерскому патерику, пересоставленному в Твери в начале XV в. в новой, так называемой Арсеньевской редакции. Вместе с тем, тверская литература усваивает московские литературные произведения конца XIV — начала XV вв. и опирается на достижения московской исторической литературы.

Вслед за Москвой, в Тверском княжестве усиленно ведется летописная работа. В 1409 г. составляется свод, пропагандировавший идею единства «Тверской земли» и необходимости примирения тверских и кашинских князей — наследников тверского великого князя Михаила Александровича. В 1455 г. по приказанию тверского великого князя Бориса Александровича составляется «Летописец княжения тверского». Главное и преобла-

дающее внимание уделено в нем тверским событиям и пропаганде идеи самодержавности тверского князя Михаила Александровича. Он — «от богосадного корени доброплодная отрасль», он — «храбрость показа многу и грады многы взем: покоривыся любовию, а непокоривыя мечем».

В своем политическом развитии Тверь значительно опережала Новгород. Политическая борьба тверских великих князей с сепаратистскими стремлениями кашинских князей воспитала в Твери мысль о политических преимуществах сильного единодержавного правления. Тверской свод 1455 г. весь проникнут мыслью о необходимости крепкой княжеской власти, о необходимости прекращения феодальных раздоров. И в этом отношении Тверь не только следовала за Москвой, но в некоторых своих идеях опережала ее. Так, раньше чем в Москве, в Твери создается теория самодержавной власти великого князя.

Пользуясь временной слабостью Москвы в годы междуусобной борьбы за московское великое княжение, Тверь стремится взять на себя роль защитницы общерусских интересов, а тверской князь пытается быть представителем в Западной Европе всей Русской земли, как ее глава. Эта идеология ярко отразилась в замечательном похвальном «Слове» инока Фомы тверскому князю Борису Александровичу.

Историческую обстановку создания «Слова» отчетливо обрисовал академик Н. П. Лихачев в своем труде «Инока Фомы слово похвальное» (1908, стр. IX—X): «В половине XV столетия еще продолжалось давнее соперничество Москвы с Тверью. Идея о царстве и царском наследии коснулась и Тверской области. Был как-раз необыкновенно благоприятный момент. Москва раздирается усобицами, законный князь то в плена, то изгнан, потом ослеплен. Только помощью Твери утверждается он на прародительском столе, заключив союзный и брачный договоры. Во главе княжества Тверского стоит деятельный и талантливый человек [Борис Александрович]. Временное процветание Твери оживляет заглохшую былуу славу. Даже послы великой „Шавруковой“ орды идут в Тверь и минуют Москву. Из Византии же приходят печальные вести; после морального падения на нечестивом латинском соборе распространяются слухи о постепенном утеснении Царьграда агарянами [турками]. 29 мая 1453 г. Царьград пал, православная вселенская монархия кончилась. Есть у латинян цари, сильные царства, но не может благодатное наследие царя Константина перейти к впавшим в ересь. Только на одной Руси сияет православие; кому же в Русской земле принадлежит наследие царства?.. Не князь московский, а боговенчанный царь Борис Александрович тверской настоящий наследник Византийской империи и „второй Константин“, благоверный православный самодержец...». Такова главная мысль «Слова».

«Слово» инока Фомы подчеркивает величие и славу «Тверской земли». Тверская земля — богоизбранная страна, «Новый Израиль»; ее князь — «второй Константин». Имя тверского князя Бориса Александровича славимо повсюду — «от Востока и до Запада и до самого царствующего града». Авторитет тверского князя стоит высоко среди европейских монархов. Иноzemные цари возносят ему хвалу. Инок Фома восхваляет храбрость Бориса Александровича и «дерзость сынов Тферских». Борис Александрович — государь и «защитник наш». Фома подчеркивает силу княжеской власти Бориса, его единодержавство и утверждает богоустановленный характер княжеской власти, что впоследствии настойчиво станут проводить московские книжники. Великий князь Борис Александрович называется в «Слове» царствующим самодержавным государем, что само по себе было решительной новостью в русской политической мысли того времени. Борис Александрович «царским венцем увязася» и сравнивается с Августом, с Львом Премудрым, с царем Птоломеем Книголюбцем, с Константином Великим, с царем Феодосием.

Фома превозносит строительную деятельность Бориса Александровича, устройство им нового Тверского кремля и называет его «новым Ярославом» (Мудрым), что уже само по себе должно было говорить о стремлении Бориса Александровича сосредоточить в своих руках объединение Руси.

«Слово» Фомы недвусмысленно выражало идею единства Руси, идею необходимости сильной монархической власти, впервые по-новому названной «царской».

Сами по себе эти мысли «Слова» были глубоко прогрессивны; свидетельствуя о вполне созревшей повсюду мысли о необходимости создания единого национального государства. Но Москва имела большие исторические права на возглавление этого государства. Вскоре спор о том, кому стоять во главе объединенной Руси, был решен военной рукой Москвы. Тверской князь нарушил мирный договор с великим князем московским и вступил в переговоры с Литвой. В 1485 г. Иван III осадил Тверь, тверские бояре перешли на службу к Ивану III, тверской князь бежал в Литву, а тверичи целовали крест Ивану III.
